

Пират и масличная ветвь

Юлия Сиромолот

«Помру, — думал Урру, — помру же...»

Крыло болело. Ногу дергало и жгло. Распроклятая тварь, чертова кошка, ее-то ради мышей прикормили, но, конечно, чем мышей из земли выковыривать, легче же пытаться голубя поймать. Голубь — он же большо-о-ой... у-у-у, больно как, у-у-у...

Кошка, серая шелудивая тварь, пыталась изловить Урру Раттахурру, когда тот прогуливался по куче зерна в городском хранилище. Помяла крыло и, что самое страшное, откусила наполовину два пальца из трех на левой лапе. Урру вырвался и даже отлетел недалеко, в чей-то двор, и там свалился в каком-то темном закутке, и не было никакой надежды для него. Лететь он не мог, идти тоже, а если у хозяев есть собака, то не дожить ему до утренней звезды.

Урру очень хотел жить. Он любил зерно, золотое мелкое просо, как будто солнце покапало и застыло, любил темную холодную воду в колодце, почти вровень с краями, даже и в луже любил, если свежая и ослы не успели нагадить. Он храбро смотрел на солнце, быстро летал, отчаянно дрался и в стае, и один на один — с другими голубями города и даже с воронами. Он и морских ворон — белых толстых чаек, больше похожих на уток, только очень уж злых, — бесстрашно пытался гонять со свалки, но чайки только гоготали и стучали своими смертобойными клювами.

Море, пацан, говорили ему чайки, снисходя к глупому горожанину. Море, ты понял? Вода! Кругом! Везде! Как небо, только везде. И там, в воде, — рыба... и морская трава... и всякие звери там живут, и нет ему ни конца, ни края. А это? Это так, торчит себе посреди моря кусочек сухой земли. А вот море!!!

Урру смотрел на их выгнутые серпами белые крылья, на их желтые острые клювы, раз в пять больше его собственного, на их плоские янтарного цвета лапы — как смешно и гордо они на них переваливались... и завидовал, завидовал страшно. И очень хотел увидеть море, летать над ним, но чайки в ответ заходились недобрым хохотом: ты ж голубь, птица глупь, какое тебе еще море, твое дело просо жрать да жиреть, пока не поймают да самого не съедят. И это было верно: уж этих-то морских разбойников точно никто есть бы не стал.

А его вот чуть кошка не съела. Судьба злая голубиная, у-у-у, ур-р-ру! А ведь он только подкрепиться хотел, потому что втайне решил все-таки долететь до моря. Он заметил, в какую сторону летают чайки со свалки, и, поднявшись высоко, как умеют голуби, разглядел своими острыми глазами в той стороне темную полоску между небом и землей и решил — вот море.

А что глазами видать — до того крылья уж как-нибудь донесут.

Но только не судьба, видно. Собака не пришла, но и без того Урру прощался с жизнью. Донимала не так боль, как жажда — он лежал, запрокинув голову и разинув клюв, еле дыша сквозь пересохшее горло, и вдруг капля щелкнула его по надклювьям.

ФАНТАСТИКА

И еще одна. И еще. А потом полило.

Урру, напившись и опомнившись, радовался недолго, потому что лужи на земляном полу амбара или мастерской, в которой он прятался, росли как-то уж очень быстро. Позабыв о боли в обкусанной лапе и о распухшем крыле, он шебуршился в огромной куче длинных древесных стружек, пытаясь забраться повыше. Холодный синий свет вспыхнул в амбаре, снаружи загрохотало. Урру вертел головой, пытаясь сообразить, в чем дело, но голуби дальноточки, и он видел только яркие цветные пятна и полосы. Распахнулась дверь — ледяной ветер пронесся, встопорщил ему перья. «Сим! — пронзительно закричала какая-то женщина. — Сим, наказание Господне, где ты?»

Огромная тень металась по закутку, что-то падало, что-то скрежетало. А вот и собака — вбежала следом за хозяином и с ходу принялась облаивать Урру. Женщина продолжала кричать, что Сим ее в могилу вгонит раньше срока, что руки у него не из плеч растут, что все уж давно собрались и что его за смертью посылать... Урру попытался поглубже спрятаться в стружках, но протянулась длинная рука, жесткие пальцы схватили поперек — и все.

Так стал Урру морской птицей. Потому что море, видно, устало ждать, или что еще там ему пришло в его воды и глубины, но только оно поднялось, и слилось с небесами, и стало точно так, как те чайки рассказывали. Парочка чаек, кстати, тоже была здесь — «на корабле», как они объяснили Урру. Корабль был чем-то вроде плавучего гнезда, доверху набитого всякими тварями — некоторые Урру не приснились бы и в страшном сне, например корова с одним рогом посреди лба или собаки с крыльями, висевшие в трюме кверху когтистыми лапами. Хозяин корабля кормил их сладкими фруктами, и Урру стал навевываться к жутким тварям. Он вообще пользовался на корабле свободой, как немногие. Сим, плотник, сын хозяйки, ухвативший его в последний момент перед посадкой на корабль, получил от своей матушки ужасный нагоняй за то, что притащил на корабль «эту нечисть поганую, этого выродка рода голубинового, поживу для собак, кошачий выbleвок, ущерб и убыток» и так далее. А все потому, что, когда бедолага Сим попытался пристроить голубя, — ворча, что все равно бы живой твари погибать, а от одного не убудет, и мало ли, пригодится, — попытался пристроить Урру под корзиной, Раттахурру не на шутку испугался, забился, поцарапал Сима и даже клонул его в ладонь. Ругани и крика было много, но зато Урру оказался не под корзиной, а на высоком шесте над верхним полом гнезда, рядом с чайками.

Чаек звали Лапа и Белый. Они ругались не хуже хозяйки и хохотали как безумные. С того момента, как корабль отплыл от скрывшейся в водах земли, непрерывно шел дождь, иногда из мелкой рыбы или лягушек. Лапа и Белый ели от пауза, катались по мокрой палубе на своих желтых

лапах и снисходительно рассказывали Урру о том, какая жестокая и щедрая штука — море, и как они рады, что земли больше нет. «Нет и не будет, — сказала Лапа. — А потом и ваше корыто потонет, и останемся только мы, ХА-ХА-ХА!» Урру побаивался чаек и потому не решался задать им вопрос, ужасно его занимавший, — а где тогда Лапа и Белый устроят свое гнездо, неужто на воде? С них могло и такое случиться, конечно.

О гнезде Урру стал размышлять неспроста. Потому что на корабле, кроме него, были еще голуби. Они сидели в клетушках на верхней палубе, там, где воздуха и света побольше, и среди них была Мирра. Белая. Нежная. Сердце Урру Раттахурру замирало, лапы заплетались при виде ее. Он надувал зоб, растопыривал хвост, а она тихонько смеялась и склоняла голову, глядя на него искоса рубиновым глазом. Другие голуби только и могли, что утробно ухачь да клювами щелкать. А Урру, увечный пират, но свободный, расхаживал, прихрамывая, по приступочке, на которой стояла клетка Мирры, и говорил, говорил... Он пересказывал ей сны львов и чайчьи байки, утиные истории и сказки пауков (этих никто не брал специально, они сами пришли и гордо шипели: «Мы вс-с-егда здесь были»). Он приносил ей другое зерно, не мелкое просо, а полновесную пшеницу — таскал из хозяйских закромов. А Белый, увидев это, залился своим жестяным смехом и сказал: «Ну, корми, корми ее. Толще будет, вкуснее».

Урру как-то и не подумал поначалу, что они почти все тут — еда. Некоторые звери, тревожно разговаривая между собой в страшной тесноте корабля и во власти моря, сокрушались, что сыны хозяина, настырные и безжалостные, запихали их в этот ящик на прокорм другим зверям, хищным, и себе заодно. И голубиные клетки пустели. Урру сначала испугался до полубеспамятства, а потом решил, что будет сидеть на страже и если придут за Миррой, то пожалеют об этом! Но иногда отлучаться все же приходилось, и тогда он просто изнывал от страха вернуться и не найти свою белую голубицу. Однако люди не трогали ее, и Лапа, злорадно следившая за мучениями Урру, как-то сказала, пристроившись над голубятней:

— Это потому, что твоя девка белая! Вот они ее и не трогают пока что.

Лапа и сама была белоснежная, только края крыльев чуть темнее, а Урру был обычный рябой. Но ведь и его пока не съели.

— Это потому, что белых не едят? — спросил Урру.

— Это потому, что белых они отдают на ветер! БУ-ГА-ГА!

— А ты? Тебя тоже отдадут на ветер?

Лапа посмотрела на него желтыми, как просо, глазами.

— Меня? Да я сама ветер, ГЫ-ГЫ-ГЫ! У-ХА-ХА-ХА!!!

И улетела.

А голубей становилось все меньше. Однажды рука — это была все та же Симова рука со свежим следом от Урриного клюва — протянулась в сторону заветной клетки. И Урру храбро бросился навстречу и дал себя схватить.

— О, смотри-ка, — сказал плотник Сим. — Старый приятель, хромец. А я думал, мы уже тебя того... Ну ладно, раз сам вызвался, то и пригодишься.

Урру думал, что его несут на кухню, но нет, Сим сунул его за пазуху и полез куда-то повыше, на мачту. Вряд ли он лез туда, чтобы свернуть голубью голову. И точно — забравшись высоко, Сим достал птицу и погладил рябые перья.

— Ищи, — сказал он. — А то батя что-то совсем приуныл, сколько плывем, а земли не видать. А пора бы. Ну, ищи.

Урру так давно не был высоко, что немного одурел. Голубь птица не дикая и не домашняя, живет при человеке, забавляет его и кормит — но, как и у всякой свободной птицы, у него есть радость полета. А этого Урру, запертый на корабле, долго не чувствовал, и теперь ветер поднял его ввысь не хуже, чем Белого или Лапу.

Урру впервые увидел море. Огромное, прекрасное, сияющее цветами, названия которых люди не знают, потому что не видят их. Прочерченное невидимыми им линиями направлений. Полное движущихся подводных теней. Испытанное глубинами и мелями. Урру напился этой красоты, как чистой воды, и только потом заметил под собой серое пятно корабля. Но земли не было. Там и сям торчали, конечно, какие-то голые скалы, но это не в счет. А еще он увидел Сима на мачте, который махал грязным головным платком. И вспомнил о Мирре, предназначенной ветру! Крылья ослабели, но он сумел все же выровняться и пролетел над Симом, опускаясь на голубятню.

Мирра была у себя. Она подняла на него прекрасные свои очи. «Где ты был, я так скучала...» Урру понял, что еще одного дня страха за нее не выдержит. Он косообоко пробежал по приступке и снова взлетел.

Среди прочих птиц в плавучем гнезде были вороны. Они были заперты глубоко в трюме, как «нечистые», но постепенно открыли все замки и теперь сидели тут и там, споря сварливостью с чайками и хозяйкой. Урру знал, как они это делали, но это ведь вороны... что он, со своим голубиным клювишкой и со своими увечными лапами против запора на Мирриной клетке?

Раньше было так. Пока он не взлетел над морем в первый раз. Урру поднялся еще выше и там, на играющем красками краю между морем и небом, увидел скалу побольше и повыше. Должно быть, море не одолело ее и в разгар бури, потому что как бы иначе выжил на скале жалкий кривой кустик? Урру, дальнзоркий голубь-пират, видел его и устремился к нему. Сияющие линии в воде и в небе вели его. Он опустился на куст и, упираясь и обрываясь, отломил ветку. С этой веткой и помчался обратно, нанизываясь на путеводные лучи, как бусина.

Сим караулил у голубятни и, увидав, что Урру возвращается с веткой в клюве, заскакал от радости и побежал возвещать отцу, матери, братьям, братовым и всем выжившим — «Земля! Земля!». А Урру пробрался внутрь.

Там, кроме Мирры, оставалось еще два голубя. Они глупыми глазами-бусинками смотрели на пирата с веткой в клюве, лихого и грозного.

Урру легко открыл Миррину клетку. Она выбежала к нему, белая голубица, назначенная, — но не сегодня, не сегодня, подумал Урру, сегодня мы сами с ней будем как ветер. Он посмотрел на Мирру и увидел, что она, хоть и провела всю жизнь на голубятне Сима, понимает его.

Он вскрыл две оставшиеся клетки, ничего не объясняя сонным родичам, сидевшим там. Захотят — сами разберутся.

Бросил оливковую ветвь на грязный песок — и, прежде чем Сим успел прибежать за благодарственной жертвой, две птицы взмыли из голубятни и исчезли в новом небе.

В третий раз голубь не вернулся.

